

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА ИЛИ УЧАСТИЕ В НЕМ

Дан ретроспективный анализ норм законодательства периода Российской империи, предусматривавших уголовную ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем. Исследуется социальная обусловленность данных норм на основе истории развития революционного движения в Российской империи. Обосновывается взгляд на то, что общественная опасность деятельности террористических сообществ того времени состояла в антигосударственной направленности действий их участников.

Ключевые слова: террористическое сообщество; противозаконное сообщество; террористическая организация; общественная опасность; уголовная ответственность.

Нормы о соучастии появились давно, однако устойчивые групповые образования, в том числе террористические сообщества, на протяжении длительного времени в отечественном законодательстве не выделялись [1. С. 9–25].

Впервые устойчивые преступные группы были выделены в Уставе благочиния, или полицейском, 1782 г. Статья 65 Устава «установила запрет на организацию неутвержденных сообществ, товариществ и иных подобных собраний, причиняющих общему добру вред, ущерб или убыток» [2. С. 128–138].

Во второй четверти XIX в. восстание декабристов, возрастание революционной активности, появление во второй половине XIX в. революционных террористических организаций и сообществ, считавших совершение террористических актов основной формой противодействия законным властям, обусловили появление более тщательной регламентации понятия устойчивых преступных групп и установление ответственности за организацию и участие в них.

В общей части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделялись такие формы соучастия в преступлении, как совершение преступления группой лиц без предварительного соглашения (скопом), по предварительному соглашению (заговор) и шайкой. В особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. была установлена ответственность за создание шайки и вступление в нее. При этом шайка являлась формой совместной преступной деятельности по предварительному сговору.

За рамки соучастия выходила деятельность преступных групп (тайных сообществ), которые как раз и аккумулировали усилия многих лиц для совершения резонансных террористических преступлений. Соответственно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе четвертом «О преступлениях и проступках против порядка управления» была введена глава шестая «О тайных сообществах и запрещенных сходбищах», в которой ст. 347 установила следующее определение тайных сообществ: это «общества, имеющие вредную для спокойствия или целости государства, или противоправную установленными законами образ и порядка управления цель» [3. С. 347]. При этом в ст. 347 Уложения 1845 г. организаторы, начальники (руководители) и

участники данных сообществ наказывались «лишению все прав состояния и смертной казни». Лица, имевшие возможность довести сведения о данных сообществах до властей, но не совершившие этого, подвергались тому же наказанию.

Манифестом от 19 февраля 1861 г. в России было отменено крепостное право, однако манифест сразу же не оправдал ожидания крестьянства. За первые пять месяцев 1861 г. произошло 1 340 массовых крестьянских волнений, всего за год – 1 859. Половина из них (937) была подавлена военной силой [4. С. 36]. Выступления крестьян происходили и на территории Томской губернии [5. С. 188–198]. Для революционных кругов того времени массовые волнения крестьян стали знаком к началу активных действий.

Первыми планы создания террористического сообщества стали строить члены кружка ишутинцев. По плану кружка, террористическая группа с названием «Ад» должна была осуществлять систематический террор против законных властей. Лидер кружка И.А. Худяков полагал, что убийство царя «извинительно и необходимо», так как государи и их фамилии не так легко откажутся от своей власти и «во избежание кровопролития лучше пожертвовать жизнью нескольких царственных особ» [6. С. 34]. В приговоре от 24 сентября 1866 г. по делу Каракозова Верховный Уголовный суд установил, что к сообществу «Ад» принадлежали 34 человека, имевшие целью осуществление систематического террора против законных властей. Судом член террористического сообщества Каракозов был осужден к смертной казни за покушение на императора.

Реагируя на произошедшее, Правительство и Государственный Совет с целью усиления эффективности борьбы с преступными обществами пошли по пути дальнейшего совершенствования законодательных норм о преступных сообществах. Законом от 27 марта 1867 г. Государственный Совет установил запрет на деятельность всех противозаконных сообществ [7. С. 329–331]. При этом указ делил данные сообщества на три вида:

а) все тайные общества, с какой целью они бы не были учреждены;

б) все преследующие вредную цель сбирания, сходбища, товарищества, кружки, артели и прочее, под каким бы наименованием они не суще-

ствовали, образовавшиеся и действующие по соглашению между собой нескольких лиц;

в) все те общества, которые, по исхотайствованию надлежащего на свою деятельность разрешения, уклоняются от цели их учреждения и действия которых в каком-либо отношении вредны для государственного благоустройства или общественной нравственности.

При этом данным Законом устанавливалась дифференцированная ответственность для основателей, учредителей, начальников, главных руководителей, с одной стороны, и соучастников (участников) противозаконных сообществ – с другой. Конкретное наказание, которому подвергался участник противозаконного сообщества, зависело от степени его вовлеченности в деятельность сообщества, а также от вредности совершенных им действий.

Несмотря на подробную регламентацию понятия противозаконных сообществ и ответственности их организаторов, руководителей и участников, Закон, не отразив специфические цели деятельности противозаконных сообществ, по сути приравнивал их к иным преступным групповым образованиям, что не отражало повышенную общественную опасность их деятельности, негативно сказываясь на борьбе с ними.

Попытку разрешить обозначенную проблему, выделив особые цели деятельности противозаконных сообществ, предпринял Государственный Совет Законом от 4 июня 1874 г. Согласно данному Закону, «противозаконными сообществами признаются сообщества, учрежденные с целью: противодействия распоряжениям Правительства, или возбуждения неповиновения властям, или разрушения основ общественной жизни: религии, семейного союза и собственности, или возбуждения вражды между сословиями и вообще между отдельными частями или классами населения, или между хозяевами и рабочими, а равно с целью возбуждения к устройству стачек» [8. С. 851–854]. В соответствии с данным законом наказание для участников сообщества усиливалось, если:

1) сообщество приняло особые меры к сокрытию своего существования или расширению круга своих действий: т.е. было поделено на отделения или кружки под одним общим управлением;

2) участники сообщества призывали к насильственным действиям;

3) сообщество побуждало насильственными мерами других содействовать целям сообщества.

В 1878 г. распространению террористических идей во многом поспособствовал оправдательный вердикт суда присяжных по делу Засулич. Суд квалифицировал действия Засулич, покушавшейся на жизнь Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, не как террористический акт, а как общеуголовное преступление, что позволило рассматривать дело судом присяжных. Общество того времени было воодушевлено реформами 60-х гг. свобод и нововведений. Данные обстоятельства защитник П.А. Александров использовал в своей речи, рассказав присяжным об унижениях и издевательствах, которым подвергалась ранее сама подсудимая, и о том, почему она так болезненно восприняла унижение позорным наказанием незнако-

мого ей человека [9. С. 281]. В результате действия Засулич были признаны общественным мнением и судом как месть за неправомерные действия Ф.Ф. Трепова в отношении заключенного А.С. Боголюбова, подсудимая оправдана.

Как итог идеология, допускающая убийство в качестве нормального средства борьбы с властью для достижения политических и социальных целей, получила широкую поддержку не только в революционных кругах, но и на уровне общества. Последствием было то, что террористы, воодушевленные безнаказанностью и общественной поддержкой, в период с 1878 по 1881 г. совершили 8 террористических актов в отношении высших лиц государства, в частности были убиты Харьковский генерал-губернатор Д.Н. Кропоткин, начальник жандармерии Н.В. Мезенцев и сам император Александр II.

Анализируя причины размаха террора, нельзя не согласиться с Н.В. Стариковым, полагающим, что «источником финансирования террористических сообществ (организаций) того времени были спецслужбы соперничающих с Россией стран». Например, когда российские войска с февраля 1878 г. стояли на пороге Стамбула, в России появилась «Земля и воля», которая до этого, согласно справке Одесского жандармского управления, не имела строго определенной организации, и ее появление не было обусловлено последствием явно очерченной системы действий [10. С. 73].

Однако как же сами террористы-революционеры объясняли причины своих антигосударственных, бесчеловечных по жестокости преступлений? Убивший кинжалом шефа жандармов Н.В. Мезенцева Степняк-Кравчинский утверждал, что они были побуждаемы бескорыстным желанием делать все для народа и только для народа [11. С. 24]. Конкретизируя свои требования, один из главных идеологов террористов-революционеров требовал следующее от Правительства: 1) немедленного разрушения существующего экономического строя (что привело бы к немедленному ослаблению государства и гражданской войне); 2) полного прекращения всяких преследований за выражение каких бы то ни было убеждений как словесно, так и печатно; 3) уничтожения всякого административного произвола и полной ненаказуемости за поступки какого бы то ни было характера иначе, как по свободному приговору народного суда присяжных; 4) амнистии для всех политических преступников без различия категорий и национальностей (т.е. лиц, причастных к убийству императора и высших государственных сановников, гвардейских офицеров, охранявших Зимний дворец и простых подданных) [Там же. С. 21–22]. Не менее интересна «Программа рабочих – членов партии «Народной воли», в разделе Г п. 2 которой содержалось требование раздела России на самостоятельные области (союзы), п. 3 данного раздела требовал отделения насильственно присоединенных народов от России, а п. 11 – фактической ликвидации армии и войска [12. С. 184–191].

В результате рассмотрения данных программ сразу возникает логичный вопрос: как же связаны полная безнаказанность для жестоких убийц, уничтожение

судебных органов, территориальный развал страны, ликвидация ее армии с благом народа?

Переходя к рассмотрению Уголовного уложения 1903 г., отметим, что интересными представляются данные, свидетельствующие о размахе деятельности террористических сообществ в начале XX в. Согласно статистическим данным полиции о лицах, пострадавших при террористических актах, только в период с мая 1905 г. по май 1906 г. были убиты и ранены 1 273 лица. При этом среди них были как высокопоставленные государственные лица в количестве 8 генерал-губернаторов и градоначальников, 21 начальника полиции, так и простые гражданские чины числом 85 человек, 55 жандармских чинов, 12 духовных лиц, 51 землевладелец [13. С. 249]. Резюмируя, отметим, что общественная опасность деятельности террористических сообществ того времени состояла в антигосударственной направленности их действий, конечной целью которых было уничтожение Российского государства.

Анализируя причины терроризма в Российской империи, отметим, что ответственность за жертвы терроризма несло общество в целом, так как оно в течение трех десятилетий героизировало убийц, оказывало им моральную поддержку. В частности, как отмечала член ЦК кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс, «оппозиция, социалисты и либералы в единодушном порыве отказывались осудить террор», и в этом, по ее мнению, было что-то жуткое, нездоровое в поведении тогдашнего общества [14. С. 323]. Более того, даже в разгар терроризма с 1905 по 1906 г. многие государственные чиновники и либеральная общественность продолжали видеть в радикалах хоть и сбившихся с правильного пути, но бескорыстных мучеников, беспощадно преследуемых государством, активно противясь введению военно-полевых судов, применению законных уголовно-правовых и административных мер [15. С. 430].

При этом нельзя не заметить, что либеральными порывами продолжала быть охвачена и судебная практика в отношении деяний, совершаемых членами

террористических сообществ. Так, Петербургская судебная палата, 30 ноября 1904 г. судившая Сазонова и Сикорского – членов боевой организации эсеров за убийство министра внутренних дел Плеве (разгромившего «Народную волю» и тем самым спасшего самодержавие в 1881 г. от террористов), назначила Сазонову каторжные работы без срока, а Сикорскому – на 20 лет. При этом позднее срок каторжных работ им был сокращен вдвое [16. С. 65–66].

Зачастую террористические сообщества того времени совершали преступление с использованием взрывчатых веществ или метательных снарядов. Учитывая это, Уложение 1903 г. фактически выделило участие в террористических сообществах того времени в отдельный состав преступления. Так, ст. 126 Уложения гласила, что наказуемо каторгой на срок до 8 лет или ссылкой на поселение соучастие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов. Кроме того, ст. 126 предусматривала квалифицирующий признак, усиливающий ответственность за участие в террористическом сообществе, а именно указав, что если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается срочной каторгой.

Завершая анализ законодательства императорской России, отметим, что длительное время ответственность за организацию и участие в террористическом сообществе наступала по статьям о противозаконных сообществах, создание и участие в которых квалифицировалось как государственное преступление. Однако Уложение 1903 г. на основании применения террористическими сообществами особого способа совершения преступления (взрывчатые вещества и снаряды) выделило участие в террористическом сообществе в отдельный уголовно-наказуемый состав преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеслер А.В., Смирнов И.О. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. М. : Юрлитинформ, 2016. 192 с.
2. Кириенко Н.А. Краткий исторический экскурс в законодательном определении организованной преступности в России XVII–XXI вв. // Власть и управление на востоке России. 2012. № 4. С. 128–138.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Юрид. лит., 1988. Т. 6. 432 с.
4. Федоров В.А. История России. 1861–1917 : учеб. 2-е изд., испр. М. : Высш. шк., 2003. 383 с.
5. Зиновьев В.П., Топчий А.Т. «Бердский бунт» 1869 г. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 188–198.
6. Будницкий О.В. Терроризм в Российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / ред. Б.С. Итенберг. М. : РОССПЭН, 2000. 396 с.
7. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 14 апреля, «О противозаконных сообществах» 1867. 27 марта // ПСЗ-2. СПб., 1871. Т. XLII. Отд. 1 № 44402. С. 329–331.
8. Высочайшее утвержденное мнение Госсовета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных». 1874. 4 июня // ПСЗ-2. СПб., 1876. Т. XLIX. Отд. 1. № 53606. С. 851–854.
9. Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы 1864–1917 гг. / сост. С.М. Казанцев. Л. : Лениздат, 1991. 510 с.
10. Стариков Н.В. Кто финансирует развал России?: от декабристов до моджахедов. СПб. : Питер, 2010. 285 с.
11. Степняк-Кравчинский С.М. Грозная Туча России: Смерть за смерть. Подпольная Россия. М. : Новый Ключ, 2001. 478 с.
12. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II: 1876–1882 гг. / под ред. С.С. Волка. М. ; Л. : Наука, 1965. 472 с.
13. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) : сб. документов / сост. В.И. Кочанов. М. : Аиро-XX: Ушаков, 2001. 520 с.
14. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы / сост. А. Серебrenников. Нью-Йорк : Телекс, 1991. 333 с.
15. Гейфман А.А. Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. 1997. 448 с.
16. Савинков Б. Воспоминания террориста / сост. В.Е. Кельнер. Л. : Лениздат, 1990. 445 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 апреля 2016 г.

LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE ON CRIMINAL LIABILITY FOR THE ORGANIZATION OF A TERRORIST COMMUNITY OR PARTICIPATION THEREIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 407, 192–195.

DOI: 10.17223/15617793/407/30

Matyushov Andrey M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: amatyushov92@mail.ru

Keywords: terrorist community; illegal community; terrorist organization; public danger; criminal liability.

In the article, the author analyzes standards of the criminal legislation of the Russian Empire which provided liability for the organization of terrorist community and participation therein. The author notes that the Code of Criminal and Corrective Penalties of 1845 provided criminal liability for the organization and participation in illegal (secret) communities. However, beyond the scope of participation there was an activity of illegal communities which accumulated efforts of many persons for commission of terrorist crimes. The author considers that distribution of terrorist ideas was promoted by the not-guilty verdict of the jury in the case of Vera Zasulich. The court qualified the actions of Zasulich, who attempted the life of St. Petersburg mayor F.F. Trepov, not as an act of terrorism, but as a general crime, which allowed to hear the case by the jury. As a result, the actions of Zasulich were recognized as public opinion and justice, as revenge for the illegal actions of F.F. Trepov concerning a prisoner, and the defendant was acquitted. As a result, the ideology that admitted murder as a normal means of struggle with the government to achieve political and social goals received broad support not only in revolutionary circles, but also at the level of society. The author also notes that the source of funding for terrorist communities (organizations) at the time was the special services of countries competing with Russia, which was one of the main reasons for the establishment and activities of such terrorist communities. Analyzing the causes of terrorism in the Russian Empire, the author notes that the responsibility for the victims of terrorism was on the society as a whole, since it made heroes of the killers, provided them with moral support for three decades. The author cites data according to which liberal tendencies also covered judicial practice regarding crimes committed by members of terrorist communities. According to Article 126 of the Criminal Code of 1903, the punishment for participation in the community that aimed to overthrow the social system existing in the state, or to commit serious crimes by means of explosives or shells was hard labor for up to 8 years or an exile. Thus, for a long time criminal liability for the organization a terrorist community and participation therein came from articles on illegal (secret) communities. However, Article 126 of the Criminal Code of 1903 classified participation in a terrorist community as a separate *corpus delicti* on the basis of the fact that terrorist communities used a special way of crime commission.

REFERENCES

1. Shesler, A.V. & Smirnov, I.O. (2016) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika organizatsii nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastiya v nem* [Criminal-legal characteristic of the organization of an illegal armed formation or participation in it]. Moscow: Yurlitinform.
2. Kirienko, N.A. (2012) Short historical excursus in the legislative definition of organized crime in Russia in the XVII–XXI centuries. *Vlast' i upravlenie na vostoke Rossii*. 4. pp. 128–138. (In Russian).
3. Chistyakov, O.I. (ed.) (1988) *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh* [Penal Code]. In: Chistyakov, O.I. (ed.) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
4. Fedorov, V.A. (2003) *Istoriya Rossii. 1861–1917* [Russian history. 1861–1917]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Zinov'ev, V.P. & Topchiy, A.T. (1989) “Berdskiy bunt” 1869 g. [“Berdsk Revolt” of 1869]. In: Boyarshinova, Z.Ya. (ed.) *Problemy istorii dorevolutsionnoy Sibiri* [Problems of history of pre-revolutionary Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Budnitskiy, O.V. (2000) *Terrorizm v Rossiyskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, etika, psikhologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian liberation movement: ideology, ethics, psychology (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Moscow: ROSSPEN.
7. Russian Empire. (1871) *Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta, raspublikovannoe 14 aprelya*, “O protivozakonnykh soobshchestvakh” 1867. 27 marta [By Imperial consolidation, an opinion of the State Council, published on April 14 “On illegal communities”, March 27, 1867]. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii–2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire–2]. Vol. XLII. Pt. 1 No. 44402. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 329–331.
8. Russian Empire. (1876) *Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gossoвета* “O nakazaniyakh za sostavlenie protivozakonnykh soobshchestv i uchastie v onykh”. 1874. 4 iyunya [By Imperial consolidation, an opinion of the State Council “On the punishment for the preparation of illegal communities and participation therein”, June 4, 1874]. In: *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii–2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire–2]. Vol. XLIX. Pt. 1 No. 53606. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 851–854.
9. Kazantsev, S.M. (1991) *Sud prisyazhnykh v Rossii: gromkie ugovolnye protsessy 1864–1917 gg.* [A jury in Russia: high-profile criminal trials of 1864–1917]. Leningrad: Lenizdat.
10. Starikov, N.V. (2010) *Kto finansiruet razval Rossii?: ot dekabristov do dozhzhakhedov* [Who finances the collapse of Russia?: from the Decembrists to the Mujahideen]. St. Petersburg: Piterc.
11. Stepanyak-Kravchinskiy, S.M. (2001) *Grozovaya Tucha Rossii: Smert za smert'. Podpol'naya Rossiya* [Thundercloud of Russia: death for death. Underground Russia]. Moscow: Novyy Klyuch.
12. Volk, S.S. (ed.) (1965) *Revolutsionnoe narodnichestvo 70-kh godov XIX veka* [The revolutionary Populism of the 1870s]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka.
13. Kochanov, V.I. (2001) *Politicheskaya politsiya i politicheskiy terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.): sb. dokumentov* [Political police and political terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries): a collection of documents]. Moscow: Airo-XX: Ushakov.
14. Serebrennikov, A. (1991) *Ubiystvo Stolypina. Svidetel'stva i dokumenty* [The murder of Stolypin. Evidence and Documents]. New York: Teleks.
15. Geifman, A.A. (1997) *Revolutsionnyy terror v Rossii, 1894–1917* [The revolutionary terror in Russia, 1894–1917]. Translated from English by E. Dorman. Moscow: Kron-press.
16. Savinkov, B. (1990) *Vospominaniya terrorista* [Memories of a terrorist]. Leningrad: Lenizdat.

Received: 19 April 2016